

НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗОБРАЖЕНИЮ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Материалом для анализа послужили произведения для детей, воссоздающие образ некоторых регионов Дальнего Востока: «Выходите, оленята» М. Яснова (переводы стихов поэтов Сибири и Крайнего Севера), книги серии «Сказки Дальнего Востока», повесть «Пожиратель ищет Белую сову» Е. Рудашевского. Задача статьи — исследование изменений в авторских установках и способах репрезентации территории, причисляемой традиционно к национальным окраинам. Особое внимание уделяется произведениям о Чукотке, эскимосское население которой практически исчезло в XX в. Динамика изменений прослеживается на фоне произведений советского периода, посвященных Чукотке (В. Воскобойников, Ю. Рытхэу). Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о наметившейся общей тенденции к преодолению экзотизации в конструировании образа жизни малых народов, отставанию их права на самобытность. Характерный для произведений советского периода взгляд со стороны, глазами ребенка, приехавшего на время из центральных областей России, сменяется образом мира с точки зрения коренных жителей. Вместе с тем заметна существенная разница в воссоздании образа того или иного региона в зависимости от возраста потенциального читателя. В переводах М. Яснова воссоздан счастливый мир раннего детства, когда ребенок в семье среди родной природы. По мере взросления читателя и, соответственно, героя, глазами которого показан северный мир, усложняется проблематика, поднимаются проблемы экологии, этнического самоопределения и ответственности человека и общества.

Ключевые слова: географическое пространство России, колонизация, этнический стереотип, эскимосы, Чукотка, Е. Рудашевский, М. Яснов

В 2023 г. в издательстве «КомпасГид» вышла новая повесть «Пожираатель ищет Белую сову» популярного современного автора Евгения Рудашевского, лауреата премий «Книгиру», им. В. П. Крапивина, «Золотой Дельвиг». Герои книги — эскимосы, люди племени аглюхтугмит, практически исчезнувшего народа, жившего век назад на Чукотке. Появление этой повести вписывается в наметившуюся тенденцию обращения к истории и мифологии малых народов. Задача этой статьи — рассмотреть на современном материале способы создания образа дальневосточных регионов в современной русской детской и подростковой литературе.

В современных книгах о Дальнем Востоке характеризуются географические и этнографические особенности: климат (долгая зима и полярная ночь), моря и горы, тундра, животный и растительный мир, а также описание жилищ, одежды, еды и ремесел местных жителей, обычаи, топонимы, имена, упоминаются знаковые артефакты (Китовая аллея, например) — всё, что создает «местный колорит». Но истолковывается это по-разному, в зависимости от двух очевидных факторов. Первый — возрастная категория читателей, на которых рассчитана книга. Вторым фактором является социокультурная обстановка в стране, идеологическая позиция автора. Рассмотрим влияние обоих факторов на принципы и приемы конструирования образа того или иного дальневосточного региона в литературе, рассчитанной на детей разного возраста. Особое внимание уделим книгам о Чукотке, потому что для эскимосов события истории XX в. оказались особенно драматичными, и именно повесть Рудашевского наиболее рельефно демонстрирует новый подход к изображению жизни малых народов.

Сказки для малышей

Для читателей младшего возраста Михаил Яснов перевел на русский язык стихи поэтов Сибири и Крайнего Севера [Яснов 2018]. Книга «Выходите, оленията!» большого формата, с яркими иллюстрациями художника Геннадия Кузова. Герои стихов — маленькие дети, ровесники тех, кому предназначена книга. Здесь упоминаются характерные приметы времен года, особенно — долгожданной для северян весны, родители, олени и собаки, перелетные птицы. Перед подборками стихов М. Яснов приводит краткие сведения о том, где расположены Ямал или Якутия, где живут юкагиры, а где — ненцы, дает справку об авторе — национальном поэте. В конце сборника стихотворений приведен «Маленький словарь для внимательных

читателей», объясняющий слова, неизвестные русскоязычным читателям: *авка, аргиш, ерник, маут, ровдуга* и другие. В целом стихотворения рисуют счастливый мир детства, в них много света и простора. Маленький ребенок — в семье, в привычной обстановке, родная тундра радует его, о чем говорится, например, в стихотворении ненецкого поэта Леонида Лапцуя: «Тут Едэйко все знакомо — / В тундре с детства он как дома» [Яснов 2018, 20]. Повседневная жизнь маленького северянина, показанная в его восприятии, близка и понятна любому русскоязычному ребенку.

На читателей младшего и среднего школьного возраста рассчитана книжная серия «Сказки Дальнего Востока», которая знакомит с малоизвестными и не издававшимися ранее сказками дальневосточных народов. Автор проекта и редактор-составитель — Александра Агафонова, художник — Ксения Воронова. В предисловии к каждой книге серии сообщается о том, как собирался материал, от кого записаны сказки¹. Особенностью серии является то, что некоторые сказки продублированы на чукотском или эскимосском языках. Аудиозаписи, которые доступны по QR-коду, дают возможность послушать сказки на языке оригинала².

В каждой книге серии есть «рамочный текст» — обрамление, написанное от лица современного ребенка, которому кто-то рассказывает сказки. В «Сказочной Чукотке» [Агафонова, Асадова 2019] мальчик 7–8 лет и его младшая сестренка открывают для себя Чукотку, потому что их папа-орнитолог в свою полугодовую командировку отправился вместе с семьей. Сюжет обрамления выстраивается как травелог, а детский взгляд обеспечивает ostranenie непривычного мира, например, дома на сваях в Анадыре [Агафонова, Асадова 2019, 34].

Подобный композиционный прием — взгляд героя-путешественника — достаточно традиционен для литературы о дальних окраинах, сошлемся на книгу 1977 г. «С добрым утром, Чукотка!», написанную В. Воскобойниковым и оформленную художником М. Беломлинским. Мальчик Вася из Ленинграда приехал в Уэлен вместе с родителями-метеорологами, работавшими на полярной станции. Уже самый зачин повествования определяет стороннюю точку зрения: «Если ты посмотришь на карту нашей страны, то на самом северо-восточном краю увидишь Чукотскую землю. Ее так и называли когда-то — северной окраиной» [Воскобойников, Беломлинский 1977, 3]. Книжка сообщает сведения о том, сколько времени летит самолет из Ленинграда до Анадыря, сколько часов разница во времени (Вася звонит своему другу, но тот еще спит),

на чем добираются дети до интерната (на оленях, на собаках, на вездеходе), чем занимаются местные жители — оленеводы, камнерезы и охотники, что представляет из себя кухлянка и т. п. Экзотизация поддерживается и рассказом о купании в термальном источнике при окружающей температуре воздуха -40 . М. Беломлинский и в цветных, и в черно-белых иллюстрациях показал особенности внешности северян, изобразил представителей фауны, примеры национального промысла — резьбы по моржовой кости. Вася узнает в школе, чем занимается местный отряд тимуровцев (ребята привозят уголь и пресный лед пожилым людям). С особой гордостью местные жители рассказывают о строительстве самого красивого здания в Анадыре — Дворца пионеров. Пионеры всего Советского Союза объявили операцию «Чукотка»: «Школьники Москвы и Ленинграда собирали макулатуру, узбекские дети — убрали хлопок, деревенские ребята — помогали в колхозе. А заработанные деньги все посылали по одинаковому адресу: „Чукотка. Дворец пионеров“» [Воскобойников, Беломлинский 1977, 19–20]. Строить помогали архитекторы из Москвы, художники из Эстонии, сибирские рабочие и дальневосточные моряки — так конструируется представление об интернациональной дружбе в СССР. На этом рассказ о Чукотке заканчивается, Вася улетает обратно в Ленинград.

В отличие от советских писателей, современные авторы основным содержанием делают мифологические представления коренного населения. В предисловии к книге «Сказочный Сахалин» автор проекта говорит, что отбирались самые необычные и фантастические сказки: «Те, что будят фантазию, а не страх» [Агафонова 2021, 4], эти слова справедливы для всей серии. Например, глава 4 в книге «Сказочная Чукотка» включает сказку о злых духах (кэльэт), которые порождаются «черными мыслями» самого человека, а также сказку о том, почему нельзя злословить о другом человеке, сказку, объясняющую, почему нельзя сор после себя оставлять: злой дух находит по мусору от яранги всю семью [Агафонова, Асадова 2019, 33]. А вот доброта, трудолюбие, щедрость всегда заслуживают награды, о чем повествует, например, сказка «Богатство Чемкаль». Мастерница обучала других женщин стойбища шить красивую одежду, при этом у нее самой никакого богатства не скопилось: «Мое богатство — это мои односельчане в такой красивой одежде, что о ней будут слагать легенды. А наследство, которое я после себя оставляю, — это умелые руки моих землячек. Это самое большое мое богатство» [Агафонова, Асадова 2019, 43].

Сказки знакомят с обычаями жителей Чукотки, например, как устраивается национальное празднество Мнэгыргын — осенний обряд благодарения природе за ее дары. Многие тексты основаны на мифологических представлениях о сотворении мира, животных, птиц, людей из «первородной тьмы»: «Как звери и люди языки получили» [Агафонова, Асадова 2019, 14], «Как рыбы появились» [Там же, 54], «Почему ворон одет в черное» [Там же, 72], «Откуда появились комары» [Там же, 99]. Слова, непонятные детям, но конструирующие национальный колорит повествования (камлание, Апайпайек, хorkать, киягнук и мн. др.), объясняются в круговых врезках на страницах книги.

Языковой сдвиг у жителей Чукотки описывается в радужных тонах: когда родители собирали вещи перед отъездом, дочка спросила, на каком языке на Чукотке люди говорят, папа ответил: «Чукотка — это самый северо-восточный краешек нашей страны. Так что можешь смело говорить на русском! А если захочешь — начнешь учить чукотский и эскимосский» [Там же, 12]. С одной стороны, в реплике отца проявляется готовность принять «чужое», которое, скорее, является просто «другим», ведь местные жители просто говорят на другом языке, но они тоже «наши». Но с другой — утверждается титульный статус русского языка. Как видим, остается определенная дистанция между приезжими из центральных областей России и жителями окраин, экзотизация дальневосточного сказывается именно в наличии композиционного приема обрамления сказок событиями и деталями из «сегодняшнего дня» приехавшего на время ребенка.

Мифы для подростков

В книге «Сказочный Сахалин» рамочный текст организован с точки зрения подростка. Здесь нет доверчивости и открытости всему новому, как у малышей; Макара раздражают родители, он недоволен намерением отправиться на Сахалин: «В этом году попасть за границу не удалось. Остались недостижимыми и Альпы, и Пиренеи, но отец взял билеты на Сахалин» [Агафонова 2021, 6]. В самолете Макару скучно, книги он не любил читать, ничего интересного не ждал и от горнолыжного курорта, куда скоро должен был попасть. Однако на трассе сноуборда его поджидало волшебство — к нему чуть не прицепился злой дух. Потом он познакомился с экскурсоводом Иваном Александровичем, а в Краеведческом музее Южно-Сахалинска он, как попаданцы из фэнтези, перенесся

в мифическое время и оказался на суде, где Кит судил странных существ — злых духов за то, что они причиняли вред людям. О каждом из духов рассказана сказка. Однако оказалось, что люди сами во всем виноваты: они легкомысленны, много болтают, не выполняют обещаний, превращают остров в свалку, не берегут реки и леса, не уважают традиции предков. Обвинение дошло и до Макара, он начал оправдываться, дескать, папа охотиться перестал, в школе они мусор за собой убирают... Но Кит простил Макара, сказав, что хотя человек нарушает хрупкое равновесие в природе, но природа выживет без человека, а вот человек без природы — нет, и раз человек это осознал, то он не безнадежен и научится беречь природный мир [Там же, 80]. Как видим, тут уже более сложная тематика, чем в сказках Чукотки, адресованных более младшим детям: экологические проблемы, необходимость не только пользоваться и брать, но и отдавать, заботиться, помогать. Экзотизирующий взгляд «извне» остается, но симптоматично, что Макар оказывается на мифологическом судилище, и его осуждают так же, как и остальных за вред, наносимый природе, впрочем, так же и прощают. В этой книге другая точка зрения на дальневосточный регион и его проблемы: не «они» тоже «наши», а «мы» — такие же, как «они».

Повесть Е. Рудашевского «Пожиратель ищет Белую сову» имеет возрастную маркировку 12+. Сюжет разворачивается в стойбище Нунавак (прототипом, скорее всего, является ликвидированный в 1958 г. поселок Наукан на мысе Дежнёва; топоним Рудашевский заимствовал из повести Ю. Рытхэу «Нунивак», заменив одну букву). Жизнь эскимосского племени аглюхтугмит показана изнутри, глазами 12-летней девочки Анипы, на первом плане оказывается не экзотика, а трагедия вымирающего племени. «Пожиратели» — русские, построившие поселок за Черной горой, в самом сердце Пустого места. Автора интересует не география сама по себе (и пейзаж не занимает большого места в повести) и не мифология как таковая, а история — социальные, экономические и политические проблемы. Наступающая цивилизация уничтожает древний уклад малого народа. Е. Рудашевский говорил в интервью, что его волновала тема права малого народа на самобытность [Скорондаева 2023].

Повести предпосланы два эпиграфа. Один — из книги «Снежный странник» канадского писателя и биолога Фарли Моуэта. Рудашевский пишет, что именно Моуэт заинтересовал его эскимосами. Второй — из повести Юрия Рытхэу «Нунивак», где говорится о «тропе предков», ведущей к селению. Отсылка к повести Рытхэу не только свидетельствует о традиции, но и о внутренней полемике

Рудашевского с предшественником. Кроме того, косвенно заявлена позиция писателя: нет жесткой границы между детской и взрослой литературой.

Предварительно нужно хотя бы бегло осветить исторические обстоятельства. Эскимосы (сейчас принято говорить *инуиты*) населяют Гренландию, север Канады, часть Аляски и побережье Чукотки, так называемую циркумполярную зону, с субэкстремальными условиями проживания. Когда-то эскимосы Чукотки более тесно сотрудничали с американскими скупщиками пушнины, чем с российской администрацией, казаками и православной миссией [Опарин 2017]. В 1920-х гг. на Чукотке устанавливается Советская власть, затем туда пришла коллективизация. Долгое время (до 1948 г.) эскимосы Чукотки общались с родственниками, живущими на острове Святого Лаврентия (США) и на Аляске. В период «холодной войны» общение было прервано, Чукотка оказалась пограничной и «закрытой» зоной³. В 1989 г. контакты родственников возобновились. Но в 1990-е гг. экономическое положение Чукотки было очень тяжелым, две трети населения уехало. Сейчас в России численность эскимосов 1700 человек, причем многие родились уже от смешанных браков (в поселках Новое Чаплино, Сиреники, Уэлен, в районном центре Провидения живут вместе эскимосы и чукчи). Кое-кто перебрался в Анадырь, Владивосток, центральную Россию и в Канаду.

История чукотских народов освещалась в литературе в соответствии с политическими установками в стране. Большое впечатление в свое время произвел на зрителей фильм «Алитет уходит в горы», снятый в 1949 г. режиссером Марком Донским по повести Тихона Сёмушкина (премьера в 1950 г.). Согласно фильму, советская власть избавляет простых тружеников от эксплуатации американскими торговцами, с которым в сговоре шаман, и помогает наладить свободную жизнь.

Повесть Юрия Рытхэу «Нунивак» (1963) продолжала эту линию, но более гибко. Старик Таю, одним из первых получивший партийный билет, искренне любит родной Нунивак, но с горечью понимает, что жизнь идет дальше, молодые не хотят возвращаться в родной дом-землянку, предпочитают жить и работать в колхозе «Ленинский путь». Так поступает и дочь старика, нашедшая в колхозе не только работу, но и свое семейное счастье. В конце концов все жители Нунивака перебираются на новое место, в новые дома. Таю — мастер народной песни, и в финале он находит слова для песен новых, вполне в духе соцреализма. Выбор в каче-

стве центрального героя пожилого человека позволил Рыхтэу дать историческую ретроспективу. Таю вспоминает, что в двадцатые годы молодое Советское государство, зная о бедственном положении чукотских и эскимосских охотников, разрешало продолжать бизнес с американским торговцам (у которых, отмечает Таю, желание обмануть — национальная черта), но цены контролировались советской властью. В 1930-е гг. началась коллективизация, запомнившаяся Таю как время светлое и радостное, когда эскимос стал хозяином своей судьбы. В годы Великой Отечественной войны Таю рвался на фронт, но государство берегло малые народности, спасенные Октябрьской революцией от вымирания, пришлось героически трудиться в далеком тылу, в своем колхозе. В послевоенные годы приехал новый председатель, не умевший отличить китовый гарпун от моржового, путал нерпу с лахтаком, но строго придерживался партийной дисциплины. За попытки Таю высказать свои критические замечания этот новый чиновник подвел его под суд: Таю был арестован за то, что его брат Таграк — американец (когда-то он перебрался на остров Инэтлин, принадлежащий США). Таю пять лет провел в лагере под Благовещенском, был освобожден по амнистии.

Рудашевский пишет свою повесть совсем в другое время и по-другому, противопоставляя древний уклад Нунавака всему новому, что несло с собой освоение северных земель советской властью.

Географические и этнографические особенности широко представлены в повести. Имена Анипа (белая сова), Матыхлюк (черный ворон) встречались и на страницах книги «Сказочная Чукотка». Сказки о хитрой лисице и глупом медведе, которые Анипа рассказывает брату, восходят к сюжетам чукотского фольклора. Стойбище расположено на холме, с которого видно море (аглухтугмит — «береговые люди», охотники на морского зверя). Топонимы свои, «домашние»: Мутная речка, Звонкий ручей, Каменистый ручей, Скала Вороний клюв, Скала, похожая на живот, Поминальный холм, Тихий дол, Черная гора. Подробно представлены травы и кустарники («дикоросы»), растущие в тундре, потому что это один из немногих продуктов питания в голодную пору. Время движется по природному календарю: месяц блуждающих льдов, месяц ухода из гнезд молодых кайр, месяц береговых лежбищ морского зайца. Характерны одежда и скудная еда, счет ведется по пальцам, так, в начале повести население стойбища 11 человек: столько, сколько у Анипы пальцев на руках и еще один, а раньше, по словам старика Айвыхака, было столько аглухтугмит, что не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы их всех сосчитать [Рудашевский 2023, 11].

Сюжет повести начинается с критического момента в существовании небольшого племени: второй год подряд удача отвернулась от охотников, люди голодают. Большой ревматизмом дед Кавита просит лишить его жизни — он уйдет в посмертную жизнь, в «Зеленые сполохи неба», избавится от постоянной боли, и соплеменники выполняют его просьбу. В холоде и темноте, переселившись все в землянку семьи Анипы, вспоминают они счастливое, мифологически-далекое прошлое. Старик Айвыхак рассказывает о чудесном острове Непяхут, летом зеленым от разнотравья, звонким от речек чистой воды [Там же, 145]. Людей охранял Окаменевший череп древнего китёнка, для которого устроили святилище. Аглухтумит, а за ними и люди других племен жили в довольстве, зверь словно сам шел в руки, и даже зимой не бедствовали: пели, плясали, били в бубен, состязались в силе. Именно тогда и была сооружена у святилища столбы из нижних китовых челюстей и черепов, напоминающих крабов с могучими клешнями. И сейчас Анипа, сидя в землянке родителей, представляет, что она находится в чреве китовом, ведь опоры для стен сделаны из китовых позвонков, по форме помещения землянки напоминают очертания кита.

Счастье кончилось, когда на остров пришли тугныгаки-пожиратели, осквернили святилище, великий китовый ход прекратился, аглухтумит сбежали обратно на землю [Там же, 196]. Пожиратели разоряли стойбища, летали на орлах по небу, оседлав косатку, мчались по морю, на волках мчались по тундре, распугивая все живое [Там же, 51]. Их боялся даже белый медведь. Теперь охота стала плохая, пожиратели отпугивают нерп и моржей от берега [Там же, 78], зверь не шел, люди начали голодать [Там же, 85]. Им пришлось уйти от берега моря в тундру, хотя они и не были оленными людьми — слишком близко к старому стойбищу были чужаки.

Насколько справедливы упреки в адрес русских, пришедших на эти суровые берега? Брат матери Анипы, ее любимый дядя Амкауна пропал два года назад. Он не погиб, стал жить в поселке новых людей, и эта жизнь ему очень нравится. Видя, как бедствуют родные, он несколько раз приходил в Нунавак, звал в новую жизнь, просил отдать ему хотя бы детей, чтобы они не умирали от голода, несколько раз приносил мясо — но аглухтумит твердо держались старых обычаев, а детям наговорили страшных сказок про пожирателей. Муж Анипы Илютак, человек из другого племени, тоже когда-то пришел к новым людям в поселок, чтобы они вылечили его дочку. Ее вылечили, но она потеряла свою душу, превратившись в «червеца», и отец убил ее. Обезумевший от горя Илютак бежал

в тундру, где его, едва живого, нашел отец Анипы, привел в свое стойбище, но взял с Илютака слово молчать о том, что он видел за Черной горой, и Илютак отрезал себе язык. Теперь о прошлом он рассказывает только узорами и картинками, который вырезает на моржовом клыке. Голод и близость пришельцев гонят аглух-тугмит с насиженного места. Племя готовится покинуть Нунавак, отправиться далеко, в Белый простор, на поиски иной свободной жизни.

Ближе к финалу повести Амкауна снова приезжает в Нунавак, забирает брата Анипы, везет в поселок. На санях Амкауна оказывается и Анипа, планировавшая убить в дороге Амкауна. Замысел не удалось осуществить. Но Анипа слышит слова, которые говорил Амкауна ее брату: в поселке нет голода, есть теплые дома и электричество, техника помогает людям. Амкауна с гордостью говорит, что теперь он стал другим: «Я советский эскимос...» [Там же, 226]. Когда эскимосы еще ходили по тундре дикарями, говорит Амкауна, в советской стране уже шла коллективизация, молодежь сама просилась в школу, потому что стыдно быть диким, жить в землянке и ничего не знать об Октябрьской революции [Там же, 228]. Амкауна говорит о дяде Акиве, которого во время охоты отнесло на льдине к берегам Америки: там тоже эскимосы живут, только им тяжелее, чем нам, советским. Анипа слышит эти слова, но они не трогают ее: «Голос Амкауна изменялся, чужел и будто изливался из того кровотокающего места, где когда-то жила душа Амкауна, без остатка съеденная тугныгаками» [Там же, 228].

Анипа незаметно соскользнула с саней Амкауна и через пургу, ночную тундру побежала домой, к стойбищу Нунавак — пока родные еще не ушли окончательно. Она готовится уйти с остатками своего племени далеко, в Белый простор. В конце повести Анипа погружается в видения, перевоплощаясь в Белую сову (тотем племени), в которой ожили воспоминания многих Белых сов, открыв прошлое — и печальное будущее. Она видит, как море наступает на берег, рушит скалы, исчезают последние киты, моржи дерутся насмерть за клочок суши. Мясо животных вонючее, сгнившее еще при жизни, рыба вся измучена червями, птицы редко возвращаются после зимы, а вернувшись, не могут отыскать старых гнезд. Погода делается непредсказуемой, береговые люди больше не чувствуют ее [Там же, 234]. Людей переселяют с места на место, сгоняют в поселки, детей отправляют в дальние интернаты, и там они забывают себя. Да и сами люди стали другими. Путь к Зеленым сполохам оборвался, больше души умерших не вернутся к земной жизни

[Там же]. Анипа все это знала, но не грустила, потому что рано или поздно начнется обновление, везде ляжет Белый простор, история аглухтугмит повторится снова. Эту идею вечного возвращения проговаривает старик Айвыхак в финале повести: «Всё взаимосвязано, ничто не пропадает. Произнесенное слово, добытый зверь, сорванный цветок и брошенный камень. Они возвращаются. Мы уже стояли здесь, я уже произносил эти слова. Когда придет время, произнесу их вновь. И так будет всегда» [Там же, 237]. Мифологическая картина мира поглощает историческую. Анипа уподобляется шаманам: «Она вдохнет дым, зажмурится, услышит, как плещутся белоснежные воды, а в следующее мгновение откроет глаза и проснется к новой жизни» [Там же, 238].

Однако однонаправленное историческое время опровергает мифологическую модель мира. К повести Рудашевского приложено послесловие, написанное историком, антропологом Дмитрием Опариным. Он рассказывает о территории, где жили эскимосы, их языке, занятиях, истории. Подробнее представлена история эскимосов XX в., а также взаимоотношения с аляскинскими эскимосами в советский и позднесоветский период. Неутешительный результат показывает приведенная статистика: если в 1926 г. коренные народы Чукотки составляли 96 % населения, то к 1989 г. — менее 10 % [Рудашевский 2023, 252].

Повесть Рудашевского, вдохновленная идеей права малых народов на самостоятельность, не дает однозначного ответа на вопрос: можно ли избежать губительных последствий развития цивилизации? Политика «внутренней колонизации», для которой характерны политическое доминирование, экономическая эксплуатация, культурное отличие от «центра» [Эткинд 2013], не щадила природных ресурсов, что привело к экологическим катастрофам. Резкий слом традиционного общества оказался губительным, что окончательно стало ясно в постсоветский период. В Канаде, пишут антропологи, эскимосы живут так называемым традиционноконтakтным обществом: ведут прежний образ жизни охотников на морского зверя, но и пользуются благами электричества, интернета, здравоохранения [Опарин 2017].

Колонизация и связанный с ней процесс глобализации показан как неизбежный процесс. По определению социолога Л. Гудкова, глобализация — это «формирование транснациональных акторов (компаний, информационных сетей), появление международных политических и финансовых институтов, свободное движение капиталов и труда, резкое расширение сферы массовой информации,

унификация новых и более высоких требований к качеству образования, здравоохранения, защите окружающей среды, ослабление традиционных государственных барьеров...» [Гудков 2004, 770]. Глобализация приводит к нивелировке национальных различий. В. Л. Каганский, пользуясь понятием культурный ландшафт, который вмещает природные и культурные компоненты «нераздельно и неслиянно» и покрывает поверхность Земли сплошным покровом, считает, что империя свертывает культурно-ландшафтное разнообразие: «Независимо от целей такая стандартизация приводит к конфликту новой антропогенной среды и остатков прежнего ландшафта и его природной основы» [Каганский 2013, 7]. Исследователь приходит к выводу: «Культурный ландшафт России — яркое и явное наложение форм государства на четкую природную основу. Ландшафт России, прежде всего, ландшафт не собственно культурный и даже не природно-культурный — это ландшафт природно-государственный, природно-имперский» [Там же, 13]. Политическая власть действует против культурно-природной автономии.

История знает много примеров этносов, подвергшихся вытеснению на периферию социальной жизни в результате политических катаклизмов, войн, революций. В 1757 г. разворачивается действие романа Дж. Ф. Купера «Последний из могикан». В этот год началась «Семилетняя война», когда колониальные войска метрополий, Франции и Англии, вели свои территориальные войны в Америке, привлекая индейцев. Гибель последнего вождя из могикан показана Купером как трагическое событие. А. Фадеев в незаконченной эпопее «Последний из удэге», начатой в 1920-е гг., напротив, приветствует уход последнего сторонника родового строя. Но и в этом случае причиной событий послужила Гражданская война в Приморье.

Будучи в тесной связи с природным круговоротом, эскимосы жили вне «исторического времени» советского государства, зная только мифологическое время предков и веря в переселение их душ в ныне живущих и будущих людей и животных. В романе Рытхэу «Нунивак» есть эпизод, когда лодка Таю встречается в море с эскимосами, приплывшими со стороны Аляски. Люди радушно поделились водой и припасами, по-родственному поговорили, и Таю думает: как странно — вот море, волны, а где-то тут государственная граница. Чукчи и эскимосы, размышляет старик, жили своей, трудной жизнью, в постоянной борьбе за выживание, и им не было дела до каких-то других государств, настолько они занимали периферийное положение по отношению к ним.

Государственные границы, являясь проекцией политики, не считаются ни с географией, ни с судьбами отдельных людей. В книге «Сказочный Сахалин» есть сказка «Предание о реке Найбуци». В примечании указано, что она «написана по мотивам последнего установленного фольклористами айнского предания, созданного на Сахалине» [Агафонова 2021, 92]. Не будем оспаривать это утверждение, однако в начале книги среди источников, положенных в основу сказок, названы труды этнографа Бронислава Пилсудского по фольклору нивхов и айнов [Агафонова 2021, 4]. И взрослый читатель, разумеется, не только вспомнит «Остров Сахалин» Чехова и Веркина, но и судьбу Пилсудского. Соратник Александра Ульянова, Бронислав, старший брат Юзефа Пилсудского, был сослан на 15 лет на Сахалин, где изучал язык айнов, записывал их обычаи, помогал им вести хозяйство. После 10 лет отказался от амнистии, оставшись среди нивхов и айнов. Как пишет современный исследователь, для него это «единственное на всем острове общество, не испорченное морально, выгодно отличающееся от остального унылого окружения» [Ковальчик 2019]. Около 1903 г. Бронислав женится на красавице Чухсамме, родственнице старосты в поселке Ай. Свадьбу играли по айнскому обычаю. У них родился сын, потом дочка, которую отец так и не увидел. Началась война с Японией, Пилсудский вынужден был уехать с Сахалина, но жена, согласно айнским обычаям, осталась. Существует легенда, что Чухсамма всю жизнь ждала любимого мужа, безумно тосковала по нему, плакала и даже ослепла от горя и слез. На самом деле впоследствии она вторично вышла замуж, родила еще двоих детей. У Пилсудского в Польше также был гражданский брак, но в 42 года его жена умерла от рака. В состоянии депрессии Пилсудский бросился в Селуну и утонул [Прокофьев 2008; Соколов, Беляева-Сачук 2019, 26]. В книге «Сказочный Сахалин» сохранена более легендарная версия: в богатом селении Ай была дочь старосты, красавица, добрая и трудолюбивая. Однажды отправилась она за водой на реку Найбуци и встретила незнакомца. Он был «высокий, светловолосый и голубоглазый» [Агафонова 2021, 91]. Молодые люди полюбили друг друга. Но началась война, любимый должен был уехать. Много времени прошло, но жених все не возвращался. Красавица так долго сидела на берегу реки и плакала, что в конце концов превратилась в духа реки. И до сих пор она ищет своего возлюбленного, поэтому каждого мужчину, который входит в реку, тянет на дно: смотрит, не он ли [Там же, 92]. Но и сказочный сюжет сохранил реальную причину разлуки: начавшаяся война.

Заключение

Мы сосредоточились на нескольких произведениях современной детско-юношеской литературы, изображающих дальневосточные регионы. Подходы к изображению реального географического пространства варьируются в зависимости от возраста читателя. Для самых маленьких М. Яснов перевел стихотворения народов Крайнего Севера. Героем избран ребенок, живущий в семье. Игрушки, развлечения, домашние питомцы, изменения природы по сезонам у маленьких северян свои (аргиш, катание на нартах, олени и собаки, полярная ночь и полярный день) — это такой другой мир, который близок и понятен. В данном случае предполагается первое знакомство с отдаленным краем. Для детей более старшего возраста предназначена книга «Сказочная Чукотка»: прием путешествия, на котором строится рамочный текст, обрамляющий чукотские сказки, позволяет показать экзотику дальнего края, здесь гораздо больше топонимов, характеристики животного мира, природных зон. Книга «Сказочный Сахалин» рассчитана на 10–14 лет, в рамочном тексте присутствует фантастический элемент. Задача книги — не только познакомить с легендами и сказками айнов и нивхов, но и пробудить саморефлексию. Снобистски настроенный в начале повествования мальчик постепенно начинает думать о других людях, преодолевает эгоцентризм. Эти две книги из серии «Сказки Дальнего Востока» показывают чужую (иную) природу и культуру со стороны: на время приехавший ребенок не только узнает Другого, но начинает и сам меняться в диалоге с Другим. Повесть Рудашевского, посвященная исчезнувшему эскимосскому племени, показывает мир Чукотки изнутри, здесь на первом плане не экзотика, а сложная дилемма: Анипа и ее родные должны выбрать между старым укладом, обрекающим их на голодную смерть, и новой жизнью в советском поселке, где неизбежно забудутся все заветы предков. Повесть имеет антиколониальную направленность и не предлагает однозначного решения проблемы.

Во всех выбранных нами книгах сочетаются научно-познавательный и беллетристический компоненты, хотя и в разных пропорциях. Книги снабжены сведениями о том, где были записаны сказки, названы имена историков и этнографов, в предисловии или послесловии помещены географические и исторические комментарии. Сказки и мифы обрамлены вполне реалистическим изображением природного и культурного ландшафта. Однако по мере взросления потенциального читателя авторы книг показывают, как

природное и мифологическое начинают входить в противоречие с историческим, меняющимся, идеологическим. «Белый простор» (моря, покрытые льдами разных морей, скалистые берега и материковая тундра) не размечены для автохтонного населения государственными границами, это общие места для охоты на морского зверя и выпаса оленей, «береговые люди» и «люди оленные», то есть эскимосы и чукчи, не делят территорию. Наступление цивилизации в эти отдаленные места связано с установлением государственных границ, а значит — отделением от чужого и чуждого, враждебного. Насильственное перекраивание культурного ландшафта приводит к деградации природы и вымиранию целых народностей. Повесть Рудашевского заостряет проблему: без движения, без изменений не может быть жизни, но возможны ли условия, при которых новое не будет полностью уничтожать старое, проверенное веками, не будет приносить природное в жертву техническому прогрессу, а этническую самобытность — государственному патернализму?

Примечания

¹ За сведения о Чукотке автор книжного проекта благодарит сотрудников Музейного Центра «Наследие Чукотки» — директора О. Б. Расторгуева и старшего научного сотрудника Е. П. Отке. Сказки собирал анадырский педагог и литератор И. В. Поломошнов (1930–1999), на русский эти сказки перевела А. С. Гыргольгина. Эскимосские сказки взяты из трудов Г. А. Меновщикова, доктора филологических наук, исследователя фольклора чаплинских и науканских эскимосов. Часть сказок записаны от чукотской писательницы Самиры Асадовой.

² Тексты озвучены Н. П. Радунович.

³ Не случайно в документальном фильме о заповеднике «Берингия» есть виды местности, животных и растений, а из людей показаны только специалисты заповедника и иностранные туристы, но не коренные обитатели.

Литература

Источники

Агафонова 2019 — Агафонова А., Асадова С. Сказочная Чукотка. М.: PressPass, 2019.

Агафонова 2021 — Агафонова А. Сказочный Сахалин. М.: PressPass, 2021.

Воскобойников 1977 — Воскобойников В. С добрым утром, Чукотка! / рис. М. Беломлинского Л.: Детская литература Ленинградское отд-ние, 1977.

Рудашевский 2023 — Рудашевский Е. Пожиратель ищет Белую сову. М.: КомпасГид, 2023.

Рытхэу 1963 — Рытхэу Ю. Нунивак. М.: Молодая гвардия, 1963.

Яснов 2018 — Яснов М. Выходите, олениа: стихи поэтов Сибири и Крайнего севера для детей / в переводах М. Яснова. СПб.: Дом Детской Книги, 2018.

Исследования

Гудков 2004 — Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Каганский 2013 — Каганский В. Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 5–15.

Ковальчик 2019 — Ковальчик Я. Бронислав Пилсудский — с фонографом к айнам // Culture.Pl: [Электронный ресурс]. 2019. 18 янв. <https://culture.pl/ru/article/bronislaw-pilsudskiy-s-fonografom-k-aynam>.

Опарин 2017 — Опарин Д. Эскимосы: дружба через океан / интервью И. Елисеева // EastRussia: [Электронный ресурс]. 2017. 19 апр. <https://www.eastrussia.ru/material/eskimosy-druzhba-cherez-ocean/>.

Прокофьев 2008 — Прокофьев М. М. Айнская семья Бронислава Пилсудского: правда и вымысел // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2008. № 12. С. 114–124.

Соколов, Беляева-Сачук 2019 — Соколов А. М., Беляева-Сачук В. А. Бронислав Осипович Пилсудский — выдающийся польский исследователь культур коренных народов Дальнего Востока: Мир айнов глазами Бронислава Пилсудского. СПб.: Кунсткамера, 2019.

Рудашевский 2023 — Рудашевский Е. Эскимосские сказки и право на самобытность: зачем писатель Евгений Рудашевский голодает и отключает отопление / интервью записала А. Скорондаева // Российская газета. 2023. <https://rg.ru/2023/01/17/letopisec-kapitana-blada.html>.

Эткинд 2013 — Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

References

Etkind 2013 — Etkind, A. M. (2013). Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia] (transl. by V. Makarov). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Gudkov 2004 — Gudkov, L. (2004) Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov [Negative identity. Articles 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kaganskiy 2013 — Kaganskiy, V. L. (2013). Landshaft. Imperiia. Rossiia [The Russian Cultural Landscape as an Empire Landscape]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2 (11), 5–15.

Kowalczyk 2019 — Kowalczyk, J. (2019). Bronislav Pilsudskii — s fonografom k ainam [Bronisław Piłsudski — with a phonograph to the Ainu]. Culture.PL (online edition), 2019.18.01. Retrieved from: <https://culture.pl/ru/article/bronislav-pilsudskiy-s-fonografom-k-ainam>. (In Russian).

Oparin 2017 — Oparin, D. (2017). Eskimosy: druzhba cherez okean [Eskimos: friendship across the ocean] (interview conducted by I. Eliseev), EastRussia (online edition), 2017.19.04. Retrieved from: <https://www.eastrussia.ru/material/eskimosy-druzhba-cherez-okean/>.

Prokof'ev 2008 — Prokof'ev, M. M. (2008). Ainskaia sem'ia Bronislava Pilsudskogo: pravda i vymysel. [The Ain family of Bronisław Piłsudski: truth and fiction]. *Izvestiia Instituta naslediia Bronislava Pilsudskogo*, 12, 114–124.

Rudashevsky 2023 — Rudashevsky, E. (2023). Eskimosskie skazki i pravo na samobytnost': zachem pisatel' Evgenii Rudashevskii golodaet i otkliuchaet otoplenie [Eskimo fairy tales and the right to identity: why writer Evgeny Rudashevsky is starving and turns off the heating] (interview conducted by A. Skorondaeva), Rossiyskaya gazeta. Retrieved from: <https://rg.ru/2023/01/17/letopisec-kapitana-blada.html>.

Sokolov, Beliaeva-Sachuk 2019 — Sokolov, A. M., Beliaeva-Sachuk, V. A. (2019). Bronislav Osipovich Pilsudskii — vydaiushchiisia pol'skii issledovatel' kul'tur korennykh narodov Dal'nego Vostoka: Mir ainov glazami Bronislava Pilsudskogo [Bronisław Osipovich Piłsudski — an outstanding Polish researcher of the cultures of the indigenous peoples of the Far East: The world of the Ain through the eyes of Bronisław Piłsudski]. Saint Petersburg: Kunstkamera.

Nina Barkovskaya

Ural State Pedagogical University; ORCID: 0000-0001-9131-5937

A NEW APPROACH TO DEPICTING THE FAR EASTERN REGIONS IN MODERN CHILDREN'S LITERATURE

This article examines the relationship between the age category of readers and the ways in which geographical space is represented in children's and adolescent literature. The selected materials are books from contemporary Russian literature that focus on Chukotka, an extremely remote and exotic border region often portrayed as a frontier. These works reflect the natural-geographical substrate through the use of toponyms, descriptions of flora and fauna, and the occupations of residents. However, myths and fairy tales are central to the narrative. The combination of scientific, educational, and artistic components varies depending on the readers' age group. In the "Tales of the Far East" series, Chukotka is depicted from the perspective of a child from central Russia, with fairy tales framed by the modern world, conveyed through travelogue or fantasy models. Sources include works by historians, ethnographers, and folklorists. In Rudashevsky's story, the artistic element predominates, using adventure genre techniques, as suggested by the title "The Eater is Looking for a White Owl." The author reconstructs the life of a now-extinct Inuit tribe, with the narrative supplemented by historical information from anthropologist Dmitry Oparin. The story portrays the tragic clash between the mythological worldview, the ancient lifestyle of sea animal hunters, and advancing civilization, leading to environmental disasters and the extinction or assimilation of indigenous peoples. Thus, the cultural landscape of Chukotka is constructed through the historical dynamics of these books.

Keywords: geographical space of Russia, colonization, ethnic stereotype, Inuits, Chukotka, Evgeniy Rudashevsky, Mikhail Yasnov